

DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2022-4-44-55>

Исследовательская статья
Поступила в редакцию: 19.07.2022
Принята к публикации: 30.10.2022

Вячеслав Вячеславович ГАВРИЛОВ

Дальневосточный федеральный университет
Аякс п., д. 10, о. Русский, Владивосток, 690922, Российская Федерация
gavrilov.vv@dvfu.ru
ORCID: 0000-0001-7298-2961

Рустамбек Махмудович НУРИМБЕТОВ

Дальневосточный федеральный университет
Аякс п., д. 10, о. Русский, Владивосток, 690922, Российская Федерация
nurimbetov.rm@dvfu.ru
ORCID: 0000-0002-6739-2112

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВА ГОСУДАРСТВ НА МОРСКИЕ АКВАТОРИИ И ПРАВОВОЙ СТАТУС ОХОТСКОГО МОРЯ

ВВЕДЕНИЕ. В статье на основе изучения договорных и обычных норм международного права, доктрины и практики государств анализируется содержание института исторических прав государства на морские акватории, его соотношение с положениями Конвенции ООН по морскому праву 1982 г., а также правовой статус Охотского моря и возможность его корректировки в контексте возможного заявления России о наличии у неё исторических прав на его акваторию.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. Проблемы, затронутые в работе, структурно подразделены на три основные группы. Первая из них связана с изучением вопроса о причинах зарождения института исторических прав государств на морские акватории в международном морском праве, а также его корреляции с правовыми механизмами разграничения и использования морских пространств, определённых Конвенцией ООН 1982 г. Вторая посвящена изучению структуры указанного института и определению понятия и содержания в его рамках таких ключевых понятий и категорий, как «исторические заливы», «исторические воды», «исторические правооснования», «исторически титул государства» и некоторых других. Третья группа имеет прямое

отношению к определению принципиальной возможности и потенциального объема распространения исторических прав Российской Федерации на акваторию Охотского моря.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. При написании работы авторы исходили из того, что несмотря на значительную ограниченность потенциала возможных действий России по отстаиванию её исторического титула на акваторию Охотского моря, их нельзя признать абсолютно бесперспективными в обозримой исторической перспективе. При этом, однако, следует иметь в виду, что дорога к достижению успеха в решении этой проблемы должна заключаться не в действиях по объявлению этого водного пространства внутренним морем или историческими водами нашей страны, а в легитимации Россией ряда своих исключительных исторических прав в этом морском районе, основанных на её жизненно важных интересах.

ОБСУЖДЕНИЕ И ВЫВОДЫ. Содержание института исторических прав государств на морские пространства, а также новая политическая реальность дают Правительству и Государственной Думе Российской Федерации все необходимые основания для постановки вопроса о частичном изменении позиции нашего

государства относительно правового статуса Охотского моря и разработке новой стратегии отстаивания исторических прав России на его акваторию, как посредством принятия односторонних нормативно-правовых актов, так и проведения последовательной политики по распространению и отстаиванию этой точки зрения в международных отношениях в рамках переговоров с иностранными государствами и деятельности профильных международных органов и организаций.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: международное морское право, Охотское море, Конвенция ООН по морскому праву, исторические права, исторические

заливы, исторические воды, исторический титул, жизненно важные интересы, правовой статус

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Гаврилов В.В., Нурибетов Р.М. 2022. Исторические права государств на морские акватории и правовой статус Охотского моря. – *Московский журнал международного права*. № 4. С. 44–55. DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2022-4-44-55>

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2022-4-44-55>

Research article
Received 19 July 2022
Approved 30 October 2022

Viatcheslav V. GAVRILOV

Far Eastern Federal University
10, poselok Ajax, Ostrov Russkii, Vladivostok, Russian Federation, 690922
gavrilov.vv@dvfu.ru
ORCID: 0000-0001-7298-2961

Rustambek M. NURIMBETOV

Far Eastern Federal University
10, poselok Ajax, Ostrov Russkii, Vladivostok, Russian Federation, 690922
nurimbetov.rm@dvfu.ru
ORCID: 0000-0002-6739-2112

HISTORICAL RIGHTS OF STATES TO MARITIME WATER AREAS AND THE LEGAL STATUS OF THE SEA OF OKHOTSK

INTRODUCTION. Based on the study of the international law, doctrine and practice of states, the article analyzes the content of the institution of the historical rights of the state to the sea areas, its correlation with the provisions of the 1982 UN Convention on the Law of the Sea, as well as the legal status of the Sea of Okhotsk and the possibility of its adjustment in

in the context of a possible statement by Russia that it has historical rights to its water area.

MATERIALS AND METHODS. The issues raised in the article are structurally divided into three main groups. The first one is related to the study of the reasons for the emergence of the institution of historical rights of states to maritime areas in the international

law of the sea, as well as its correlation with the legal mechanisms for the delimitation and use of maritime spaces defined by the 1982 UN Convention. The second is devoted to studying the structure of this institution and definition of the concept and content within its framework of such key notions and categories as “historical bays”, “historical waters”, “historical legal foundations”, “historical title of the state” and some others. The third group is directly connected with the definition of the fundamental possibility and potential scope of the extension of the Russian Federation historical rights to the waters of the Sea of Okhotsk.

RESEARCH RESULTS. When writing the work, the authors proceeded from the fact that despite the limited potential of Russia's possible actions to defend its historical title to the Sea of Okhotsk, they cannot be considered unpromising in the foreseeable historical perspective. At the same time it should be borne in mind that the way to achieve success in solving this problem should not lie in declaring its water area an inland sea or historical waters of Russia, but in legitimizing by our state a number of its exclusive historical rights in this maritime area based on Russia's vital interests.

DISCUSSION AND CONCLUSIONS. The content of the institution of the historical rights of states to maritime spaces, as well as the new political reality,

give the Government and the State Duma of the Russian Federation all the necessary grounds for raising the question of a partial change in Russia's position on the legal status of the Sea of Okhotsk and the development of a new strategy for upholding Russia's historical rights to its water area, as through the adoption of unilateral internal legal acts, and through the implementation of a consistent policy to disseminate and uphold this point of view in international relations within the framework of negotiations with foreign states and the activities of relevant international bodies and organizations.

KEYWORDS: international law of the sea, Sea of Okhotsk, UN Convention on the Law of the Sea, historical rights, historical bays, historical waters, historical title, vital interests, legal status

FOR CITATION: Gavrilov V.V., Nurimbetov R.M. Historical Rights of States to Maritime Water Areas and the Legal Status of the Sea of Okhotsk. – *Moscow Journal of International Law*. 2022. No. 4. P. 44–55. DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2022-4-44-55>

The authors declare the absence of conflict of interest.

1. Введение

В качестве одной из важнейших стратегических целей национальной морской политики Морская доктрина Российской Федерации 2022 г. называет развитие нашей страны, как великой морской державы и укрепление её позиций среди ведущих морских держав мира¹. Очевидно, что успех решения этих задач во многом определяется возможностью обоснования и закрепления благоприятного для России международно-правового статуса морских акваторий, непосредственно прилегающих к её территории. При этом, речь в данном случае должна идти не только о характеристике прибрежных морских пространств и континентального шельфа Российской Федерации в Северном Ледовитом океане, о чем

довольно много говорится в последние годы в отечественной правовой доктрине [Арктический регион...2013:11-44; Гаврилов 2015:147-157; Губанов 2014; Вылегжанин и др....2021:3-25], но и о правовом статусе морей и проливов, расположенных близ её берегов в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР). Его более четкое определение в контексте современных военно-политических и экономических реалий будет иметь важное значение для упрочения позиций нашей страны в этой части земного шара и выстраивания ею новой парадигмы взаимоотношений со странами АТР.

Особая роль в рамках реализации этой задачи должна быть отведена Охотскому морю, которое имеет особое значение для России как с военно-стратегической, так и с социально-экономической точек зрения. Вместе с тем,

¹ Морская доктрина Российской Федерации. Утв. Указом Президента РФ от 31 июля 2022 г. № 512. П. 28.1. – *Справочно-правовая система «КонсультантПлюс»*. Доступ: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_423278/ (дата обращения: 01.07.2022).

его географическое положение и весьма специфические очертания до сих пор не позволяют с предельной юридической точностью определить статус данной морской акватории в соответствии с положениями Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. (далее – Конвенция 1982 г.)².

Одни исследователи полагают, что речь в данном случае должна идти о замкнутом или полузамкнутом море, особенности правового статуса которого определяются частью IX Конвенции 1982 г. Другие считают, что Охотское море не соответствует в полной мере критериям её 122 статьи, содержащей определение подобных морских акваторий, и поэтому его статус не должен ничем отличаться от статуса обычных прибрежных морских пространств с выделением в их рамках внутренних вод, территориального моря, исключительной экономической зоны (ИЭЗ) и т.д. [Константинов 1999:132] Наконец, в отечественной доктрине международного права можно встретить точку зрения о том, что акватория Охотского моря должна рассматриваться в качестве исторических вод нашего государства, находящихся под его суверенитетом [Мелков 2014:45; Константинов 1999:127-130].

Последняя позиция вызывает, пожалуй, наибольшее количество вопросов и сомнений хотя бы потому, что ни СССР, ни Россия никогда официально не ставили вопрос об объявлении Охотского моря историческими внутренними водами нашего государства, как это было сделано, например, в отношении залива Петра Великого [Романов 1958:47-55]. Более того, казалось, что Российская Федерация сама сделала всё возможное для того, чтобы такой подход нельзя было воплотить в жизнь ни теоретически, ни практически. Например, факт подачи Россией заявки в Комиссию по границам континенталь-

ного шельфа с целью определения внешней границы её шельфа в Охотском море³, а также принятое по результатам её рассмотрения 15 августа 2015 г. Постановление Правительства РФ № 845 «О континентальном шельфе РФ в Охотском море» прямо свидетельствовали об отношении нашей страны к этому морскому пространству, как к территории, статус которой определяется общими положениями Конвенции 1982 г. и не подпадает под оговорку об «исторических заливах» или об «исторически сложившихся правовых основаниях», упомянутых в п. 6 ст. 10 и в ст. 15 этого международного договора.

Кроме того, ни Советский Союз, ни Россия не предпринимали в исторически обозримой ретроспективе сколько-нибудь значимых действий по принятию внутренних и инициированию международных нормативно-правовых документов или совершению действий, направленных на установление специального контроля за навигацией иностранных судов в Охотском море или за осуществлением ими действий по добыче живых морских ресурсов в его центральной части⁴.

Означает ли это, что у Российской Федерации нет никаких юридических оснований и перспектив для инициирования и продвижения на международной арене концепции Охотского моря, как исторических вод России или как акватории, в рамках которой она имеет особые исторические права на приоритетное осуществление определенных видов деятельности? Данная статья представляет собой попытку оценить принципиальную возможность позитивного ответа на этот вопрос на основе анализа правовой природы института «исторических вод» и содержания категории «исторические права» государства на морские пространства в современном международном морском праве.

² Конвенция ООН по морскому праву от 10 декабря 1982 г. Доступ: https://www.un.org/depts/los/convention_agreements/texts/unclos/unclos_r.pdf (дата обращения: 03.07.2022).

³ Пересмотренное частичное представление Российской Федерации в Комиссию по границам континентально-го шельфа в отношении континентального шельфа в Охотском море 2013 г. Доступ: https://www.un.org/Depts/los/clcs_new/submissions_files/rus01_rev13/part_1_Rezume_MID.pdf (дата обращения: 05.07.2022)

⁴ Одним из немногих исключений из этой практики стало заключенное 13 июня 1996 г. между Россией и США Соглашение о сохранении трансграничных рыбных запасов в центральной части Охотского моря. Его ст. 1, в частности, предусматривала, что «...любой промысел трансграничных рыбных запасов в центральной части Охотского моря должен осуществляться с учётом прав, обязанностей и интересов Российской Федерации» Доступ: <https://docs.cntd.ru/document/901880159#> (дата обращения: 05.07.2022). Однако к настоящему времени данный договор так и не вступил в силу.

2. Категории «исторические воды» и «исторические права» на морские пространства в теории и практике международного права

Указанные юридические конструкции уходят своими корнями в далекое прошлое и опираются на представления некоторых государств о наличии у них прав на прибрежные морские акватории, которыми они безраздельно пользовались в течение длительного периода времени, и о принципах справедливого разграничения таких акваторий с соседними странами. «Многие прибрежные государства в течение веков претендовали и осуществляли суверенитет над прилегающими к их побережью морскими районами, которые они считали жизненно важными для них, и только с учётом этого готовы были согласиться с предписаниями международного права о делимитации территориального моря» [Международно-правовая квалификация... 2012:9].

С учетом этого обстоятельства международные органы, которые еще в первой половине XX века стали предпринимать усилия по разработке единых правил для определения статуса, границ и делимитации прибрежных морских районов, столкнулись с серьезной проблемой потенциального нарушения в результате такой деятельности прав тех стран, которые *de facto* уже обладали суверенитетом над прибрежными морскими акваториями или имели в них особые права задолго до осознания международным сообществом необходимости установления единого правового режима для таких пространств.

Одним из средств решения этой проблемы после десятилетий сложнейших межгосударственных переговоров и консультаций стало включение в п. 6 ст. 10 Конвенции 1982 г. нормы об «исторических» заливах, определение пространственной протяженности которых могло не подпадать под общие правила определения заливов, изложенных в пунктах 1-5 этой же статьи⁵. Кроме того, Конвенция закрепила положение о том, что её требования о делимитации территориального моря между государствами с противоположными или смежными побережьями по срединной линии, в отсутствие ранее заключенного международного договора

о его разграничении, могут не соблюдаться, если в силу исторически сложившихся правовых оснований или иных особых обстоятельств территориальные моря двух государств необходимо разграничить иным образом, чем это указано в Конвенции (ст. 15).

Подобное нормативное закрепление на международно-правовом уровне статуса исторических морских пространств или исторически сложившихся правовых оснований на них представляется, однако, явно недостаточным и не соответствует современным представлениям как о возможном перечне видов такого рода акваторий, так и о неоднородности их правового статуса.

В данном случае важно понимать, что статус исторических в современном мире могут иметь не только воды заливов, но и других морских пространств. Так, например, еще в отечественной доктрине советского времени высказывалась мысль, «что сибирские моря типа Карского, Лаптевых, Восточно-Сибирского и Чукотского могут быть отнесены к историческим морским пространствам» [Аверочкина 2013:84]. Практика других государств также показывает, что «исторические права» выдвигаются ими зачастую не только применительно к заливам и другим четко очерченным углублениям береговой линии, но и в отношении морей, проливов и других морских пространств. Поэтому, очевидно, что в теории и практике современного международного морского права, помимо конвенционного термина «исторические заливы», следует выделять и другую категорию – «исторические воды», имеющую более общий характер по сравнению с ним [Международно-правовая квалификация...2012:21].

Подтверждение справедливости этого тезиса можно встретить и в тексте одного из важнейших теоретических документов, подготовленных в этой области на международном уровне и опубликованном Секретариатом ООН в 9 марта 1962 г. под названием «Правовой режим исторических вод, включая исторические заливы». В его параграфе 34 недвусмысленно указывается следующее: «Факт состоит в том, что термин «исторические заливы» используется чаще или до недавнего времени использовался чаще, чем «исторические воды». Это обстоятельство, од-

⁵ Скаридов А.С. *Морское право. В 2 т. Т. 1. Международное публичное морское право: учебник для бакалавриата и магистратуры*. М.: Издательство Юрайт. 2017. С. 64.

нако, нельзя рассматривать как свидетельство того, ... что только заливы, а не другие воды, могут стать предметом притязаний государств на исторической основе»⁶.

Тем не менее, в тексте Конвенции 1982 г. нашел закрепление только термин «исторические заливы» и то только применительно к решению проблемы определения границ этой разновидности углубления береговой линии. Это, скорее всего, может быть объяснено нежеланием разработчиков Конвенции жестко определять её формальными рамками как исключительный перечень видов морских пространств, на которые может быть распространён статус исторических вод, так и условий, при наличии которых прибрежные государства имели бы юридические основания заявлять о своих правах на такого рода акватории.

В отсутствие универсальной договорной нормы, определяющей «при каких обстоятельствах примыкающие к побережью прибрежного государства морские районы могут быть отнесены к историческим или, иными словами, какие элементы являются существенными для квалификации вод в качестве исторических», каждый подобный случай должен решаться «*in concreto*, с учётом его особых обстоятельств и в свете применимого права» [Международно-правовая квалификация... 2012:22-23,32], в рамках которого особое место приобретают, в таком случае, нормы обычного международного права.

К сегодняшнему дню международно-правовая доктрина и практика выработала обширный перечень критериев и обстоятельств, наличие которых позволяет прибрежному государству заявлять права на пространства прилегающих морских акваторий, как на свои исторические воды. Этот список имеет достаточно сложную структуру и объединяет большое количество разнородных условий и предпосылок [Международно-правовая квалификация... 2012:24-27], которые, на наш взгляд, зачастую неоправданно детализированы и противоречат друг другу. Вместе с тем, как указывается в п. 185 упомянутого выше документа Секретариата ООН 1962 г., наибольшее юридическое значение среди них имеют следующие три фактора: 1) осуществление государством властных полномочий в

отношении района, который оно рассматривает в качестве своих «исторических вод»; 2) непрерывность осуществления таких властных полномочий; 3) толерантное отношение других государств к данной ситуации⁷. В последующем они получили широкое распространение и в международно-правовой литературе [Джунусова 2015:20].

Таким образом, несмотря на наличие других важных обстоятельств, эффективное осуществление государством своего суверенитета над конкретным морским районом следует считать главным необходимым условием для формирования у него правооснований на данный район как на его исторические воды. При этом осуществление такого суверенитета должно продолжаться в течение длительного периода времени и не рассматриваться в качестве неправомерного со стороны других стран [Международно-правовая квалификация ... 2012:45-46]. Здесь важно также отметить, что в процессе утверждения указанной точки зрения в международной правовой доктрине и судебной практике был во многом сформирован и ответ на вопрос о правовом режиме исторических вод: они должны входить в состав территории соответствующего государства в качестве его внутренних вод или территориального моря [Вылегжанин, Соколова 2014:81; Батырь 2021:77].

Вместе с тем, необходимо четко понимать, что концепция «исторических правооснований» государств на морские акватории не ограничивается только их возможными притязаниями на исторические заливы или исторические воды. Её содержание гораздо шире, и указанные основания могут также приниматься в расчёт, в частности, при делимитации территориального моря между государствами с противолежащими или смежными побережьями (ст. 15 Конвенции 1982 г.) или для подтверждения наличия у соответствующего государства преференциальных (исторических) прав на осуществление им деятельности в морских акваториях, выходящих за пределы его территории.

При этом в последнем случае, как справедливо отмечает С. Копела, «установление и тип исторических прав зависят от вида деятельности, осуществляемой государством в кон-

⁶ International Law Commission: Juridical Regime of Historic Waters, Including historic Bays. Study prepared by the Secretariat. – *ILC Yearbook*. 1962. Vol. 2. P. 6.

⁷ *Ibid.* P. 25.

кретном морском районе. В то время как осуществление суверенитета (деятельность *a titre de souverain*) может привести к установлению исторических титулов и исторических вод, осуществление исключительных суверенных прав (за исключением суверенитета) может привести к установлению исторических прав с квазитерриториальным воздействием за пределами территориального моря. Это может относиться как к континентальному шельфу, так и к ИЭЗ, в зависимости от осуществляемых полномочий. Масштабы зонального эффекта будут определены и ограничены соответствующими видами деятельности, например, исключительными правами на рыболовство или эксплуатацию минеральных ресурсов» [Kopela 2017:188].

Возможность обладания государством подобными правами была, в частности, подтверждена еще в 1910 г. в решении, вынесенном Постоянной палатой третейского суда по результатам рассмотрения англо-американского спора о рыболовстве в Северной Атлантике. В нем указанный арбитражный орган не только подтвердил наличие у американцев особых исторических прав на рыболовство в водах, находившихся в то время под юрисдикцией Англии, но и предложил установить определенные организационно-правовые гарантии осуществления американской стороной таких прав в данной акватории [Международно-правовая квалификация... 2012:15-16].

Институт исторических прав на рыболовство и добычу других ресурсов не утратил своего значения, как особого правового режима *lex specialis*, и в современном международном морском праве даже после закрепления в ст. 56 Конвенции 1982 г. суверенных прав прибрежного государства на разведку, разработку и сохранение природных ресурсов своей исключительной экономической зоны за пределами его территории. Так, например, Арбитражный трибунал *ad hoc*, созданный для решения спора о делимитации морских пространств между Эритреей и Йеменом, признал в 1999 г., что традиционный (исторический) режим рыболовства

не определяется морскими зонами, установленными Конвенцией 1982 г. [Kopela 2017:192]. Аналогичное по смыслу утверждение можно встретить и в более раннем решении Международного Суда ООН от 24 февраля 1982 г. по делу о разграничении континентального шельфа в Средиземном море между Тунисом и Ливией. В нём Суд, в частности, указал, что в основе концепций исторических прав или вод и концепции континентального шельфа лежат различные правовые режимы. Первый из них основан на приобретении и оккупации, в то время как второй – на существовании соответствующих прав «*ipso facto and ab initio*» (в силу факта и изначально). По мнению Суда, оба эти режима могут иногда совпадать частично или полностью, но такое совпадение может быть только случайным⁸.

Определенную лепту в определение понятия исторических прав государств на морские акватории внес также Арбитражный трибунал по Южно-Китайскому морю, созданный в 2013 г. для рассмотрения спора между Филиппинами и КНР. В своём решении делу от 12 июля 2016 г. Трибунал отметил, что «термин «исторические права» носит общий характер и может описывать любые права, принадлежащие государству, которые обычно не возникают в соответствии с общими нормами международного права при отсутствии конкретных исторических обстоятельств. Исторические права могут включать суверенитет, но в равной степени могут включать и более ограниченные права, такие как права на рыбную ловлю или права доступа, которые далеко не соответствуют притязаниям на суверенитет»⁹. При этом Трибунал подчеркнул, что не следует смешивать понятия «исторические права» и «исторический титул», так как последний «специально используется для обозначения исторического суверенитета над сушей или морскими пространствами»¹⁰.

В российской правовой доктрине последний тезис, однако, не получил однозначной поддержки. В.Л. Толстых, например, заметил в этом отношении, что частое использование тер-

⁸ International Court of Justice: Case concerning the continental shelf (Tunisia v. Libyan Arab Jamahiriya). Judgment of 24 February 1982. P. 60. URL: <https://www.icj-cij.org/public/files/case-related/63/063-19810414-JUD-01-00-EN.pdf> (accessed 03.07.2022).

⁹ An Arbitral Tribunal constituted under Annex VII to the 1982 United Nations Convention on the Law of the Sea: The Republic of the Philippines vs the People's Republic of China. Award of 12 July 2016. Para. 225. URL: <https://www.pcacases.com/pcadocs/PH-CN%20-%202020160712%20-%20Award.pdf> (accessed 03.07.2022).

¹⁰ Ibid.

мина «правооснование» (title) в контексте претензий на суверенитет, еще не означает, что он не может быть использован в ином контексте [Толстых 2019:66]. Тем не менее, следует признать справедливой позицию Трибунала о том, что понятие «исторические права» носит более широкий характер по сравнению с категорией «исторический титул».

Изложенное выше позволяет прийти к следующим промежуточным выводам, имеющим решающее значение для последующего определения принципиальной возможности объявления Охотского моря «историческими водами» России и (или) установления наличия у нашего государства правовых оснований для обладания в рамках его акватории особыми правами на совершение определённых видов деятельности:

1. В современном международном морском праве существует два основных правовых режима делимитации и эксплуатации морских пространств, соотносящихся как *lex generalis* и *lex specialis*. Первый из них основан на нормах Конвенции 1982 г. и является основным для регулирования указанных вопросов. Второй зиждется на фактах и обстоятельствах, имеющих уникальный характер для каждого конкретного случая, и позволяющих государствам заявлять свои особые (исторические) права на конкретные морские акватории.

2. Такого рода исторические права создают для прибрежного государства правовые основания для:

а) выдвигания им требований о включении в состав своей территории исторических вод (в том числе, исторических заливов), в отношении которых такое государство обладает так называемым историческим титулом (осуществляет над ними свой суверенитет в течение длительного периода времени при отсутствии явных возражений со стороны других стран);

б) приоритетного (исключительного) осуществления отдельных видов деятельности в морских акваториях, на которые распространяется его юрисдикция, но которые находятся за пределами территории прибрежного государства (ИЭЗ, континентальный шельф);

в) осуществления неисключительной деятельности в рамках морских зон, принадлежащих другим странам или находящихся под их юрисдикцией.

3. Статус Охотского моря и исторические права России на его акваторию

Проведённый юридический анализ в значительной мере проясняет и, одновременно, сужает, с нашей точки зрения, перспективы уточнения действующего правового статуса Охотского моря с учётом фактора наличия у России исторических прав на его акваторию.

Становится, например, очевидным, что наша страна не обладает сегодня достаточными юридическими основаниями для объявления Охотского моря своими историческими водами и распространения на всё его пространство статуса внутренних вод или территориального моря Российской Федерации. Причем, причина этого заключается не столько в потенциально возможных возражениях иностранных государств с подобным развитием событий, сколько в отсутствии заявлений самой России о наличии у неё исторического титула на воды Охотского моря и государственной политики, направленной на реализацию и отстаивание российского суверенитета в отношении его акватории.

Факты преимущественного использования морских пространств Охотского моря Советским Союзом и, в дальнейшем, Россией можно считать существовавшими (с определенными исключениями) лишь на относительно коротком историческом промежутке, начавшемся сразу после окончания Второй Мировой войны. Заявление об исключительном характере исторических прав нашей страны на эту акваторию в более ранние периоды может быть подвергнуто серьезному сомнению в связи с перерывом российского доминирования в Охотском море, наступившем после заключения СанктПетербургского договора 1875 г., в соответствии с которым Россия уступила Японии все Курильские острова в обмен на полноправное владение островом Сахалин. Позднее в результате русско-японской войны 1904-1905 годов Япония добилась отторжения от России южной части Сахалина, оккупированного в то время японскими войсками. Это положение нашло закрепление в Портсмутском мирном договоре между Россией и Японией от 5 сентября 1905 г. Таким образом, на момент прекращения существования Российской империи в 1917 г. ей уже юридически не принадлежали ни южный Сахалин, ни Курильские острова в целом. Эти земли были возвращены нашему государству только в результате советско-японской войны, в ходе

которой в августе - сентябре 1945 г. Советский Союз занял южный Сахалин и Курилы, включая острова Итуруп, Кунашир, Шикотан и Хабомаи. 2 февраля 1946 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР все они были включены в состав РСФСР [Gavrilov 2015:77-79].

Рассуждая об историческом титуле России на Охотское море, не следует забывать и о таком важном и негативном для доказывания гипотезы о его наличии факторе, как многолетние устойчивые протесты Японии против территориальной принадлежности четырёх южных Курильских островов нашей стране. Вместе с тем этот фактор, на наш взгляд, может быть интерпретирован применительно к предмету настоящей статьи лишь ограничено и только в отношении сухопутной территории этих островов. Поэтому он не должен отождествляться с позицией «постоянного возражающего» (persistent objector) применительно к историческому статусу акватории Охотского моря в целом.

Вряд ли стоит говорить сегодня и о необходимости закрепления за Россией исключительных прав на разведку и разработку природных ресурсов в прибрежных водах и недрах дна Охотского моря на основе её исторических прав на эти пространства. Указанные права уже были закреплены за Россией в рамках её 200-мильной исключительной экономической зоны в соответствии с п. 1 а) ст. 56 и п. 1 ст. 77 Конвенции 1982 г. Кроме того, после подтверждения Комиссией по границам континентального шельфа в решении от 11 марта 2014 г. факта отнесения дна Охотского моря за пределами ИЭЗ России к её континентальному шельфу, наша страна получила такое право и в отношении ресурсов недр и «сидячих видов» живых организмов его центральной части.

Таким образом, в отношении закрепления прав Российской Федерации на ресурсы Охотского моря к сегодняшнему дню нерешенным остается только вопрос об их добыче в водах центральной охотоморской акватории. Речь в данном случае идет о своеобразном анклав вод открытого моря, расположенном за пределами российской ИЭЗ и представляющем собой «обширный район неправильной формы, наибольшая длина которого составляет 290 морских миль, а ширина в самой узкой части – 42 морских мили»¹¹. Специфика этого района состоит

в том, что благодаря уникальному географическому расположению и очертаниям Охотского моря, в нём, в соответствии с положениями Конвенции 1982 г., действует режим свободы рыболовства, несмотря на то, что сам этот анклав со всех сторон окружен 200-мильной исключительной экономической зоной России, в которой наша страна имеет исключительные права на добычу живых морских ресурсов.

Такое положение дел явно не соответствует национальным интересам Российской Федерации и поэтому в ближайшем будущем усилия российских учёных и политиков должны быть сконцентрированы на изменении правового статуса именно этого участка Охотского моря. При этом, по нашему мнению, акцент в этой работе должен быть сделан не на попытках его объявления внутренним морем или историческими водами нашей страны, а на последовательном отстаивании на всех уровнях и всеми возможными средствами тезиса о наличии у России исключительных исторических прав на добычу живых ресурсов в центральной части охотоморской акватории. Причём в основе своей этот тезис должен опираться не на длительную практику единоличного использования Россией ресурсов Охотского моря, которая не подтверждается исторической ретроспективой, а ссылкой на жизненно важные интересы нашего государства в этом регионе, содержание которых может толковаться достаточно широко.

Международная практика содержит достаточно большое количество примеров, подтверждающих юридическую обоснованность такого подхода. Так, например, еще в 1917 г. Центральноамериканский суд правосудия в решении по делу о заливе Фонсека отметил, что в процессе определения правового статуса морских пространств, помимо географических и исторических факторов, должны приниматься в расчет жизненные интересы государств, включающие в себя, прежде всего, вопросы развития его экономики и обороны. На Гаагской конференции по кодификации 1930 года несколько стран упомянули концепции безопасности, обороны и даже «благополучия государств», как имеющие прямое отношение к установлению наличия их исторических прав на определенные морские пространства [Symmons 2019:366-367]. В свою очередь Международный

¹¹ По морю в обход анклава. Доступ: <https://fishnews.ru/news/27077> (дата обращения: 18.06.2022).

Суд ООН в 1951 г. в решении по спору о рыболовстве между Великобританией и Норвегией также признал необходимость учитывать особые экономические интересы прибрежного государства при решении подобных вопросов¹².

Ключевое значение жизненных интересов государства для установления наличия его исторических прав на морские пространства неоднократно подчёркивалось и на внутрисударственном уровне. Так, например, когда Китай в 1958 г. принял свою Декларацию о территориальном море, он одновременно объявил, что Бохайский залив и пролив Цюньчжоу являются его внутренними историческими водами, в том числе, исходя из важности этих морских районов для экономики и безопасности КНР. Точно также Панама при ратификации в 1996 г. Конвенции ООН по морскому праву заявила, что она обладает исключительным суверенитетом над историческим Панамским заливом, который является для неё жизненно необходимым, как для обеспечения безопасности и обороны этого государства, так и с экономической точки зрения. Верховный Суд США в своём решении по делу о границах штатов Алабама и Миссисипи 1985 г. также упомянул «жизненно важные интересы прибрежного государства, включая такие элементы, как географическая конфигурация, экономические интересы и требования самообороны», как факторы, которые следует принимать в расчет в таких случаях [Symmons 2019:367, 370].

Все приведенные выше тезисы и правовые конструкции, по нашему мнению, в полной мере могут быть использованы в процессе заявления и отстаивания Россией своих исключительных исторических прав на добычу живых ресурсов в центральной части Охотского моря, которые должны быть сродни тем правам, которыми наша страна уже обладает в пределах своей ИЭЗ. В пользу этого говорит, как уникальная географическая конфигурация этого морского бассейна, почти со всех сторон окруженного российской территорией, так и то значение, которое он имеет сегодня и будет иметь в будущем для социально-экономического развития России. Эта задача особенно актуальна в наши дни, когда в условиях жесткого противостояния с западным миром наша страна остро нуждается в

новых источниках ресурсов, необходимых для поддержания стабильного состояния её экономики.

Однако заявление России о наличии у неё особых исторических прав в Охотском море в современных условиях уже не может ограничиваться только правом на добычу ресурсов. На наш взгляд, в этом вопросе необходимо идти дальше и рассмотреть возможность его дополнения исключительным правом на осуществление навигации в большей части охотоморской акватории только отечественными судами. При этом для иностранных судов можно было бы установить разрешительный или уведомительный порядок плавания, схожий с тем, который действует для них в акватории Северного морского пути. Обоснованность легитимации такого исторического права нашей страны прямо определяется тем огромным значением, которое приобретает сегодня Охотское море в обеспечении жизненных интересов России в сфере безопасности и обороны её восточных рубежей.

4. Заключение

Подводя итоги, отметим, что, несмотря на значительную ограниченность потенциала возможных действий России по отстаиванию её исторического титула на акваторию Охотского моря, их нельзя признать абсолютно бесперспективными в обозримой исторической перспективе. При этом, однако, следует иметь в виду, что дорога к достижению успеха в решении этой проблемы лежит не в направлении объявления охотоморской акватории внутренним морем или историческими водами нашей страны, а в легитимации Россией ряда своих исключительных исторических прав в этом морском районе, основанных на жизненно важных интересах, которые Российская Федерация имеет в Охотском море в целях обеспечения своего экономического развития, безопасности и обороны. Именно такой подход реализуется сегодня Китаем в отношении своих исторических прав в Южно-Китайском море [Zou K., Ye Q 2017:337], и он представляется достаточно перспективным.

Всё это, на наш взгляд, дает необходимые юридические основания Правительству и Госу-

¹² International Court of Justice: Fisheries case (United Kingdom v. Norway). Judgment of 18 December 1951. P. 21. URL: <https://www.icj-cij.org/public/files/case-related/5/005-19511218-JUD-01-00-EN.pdf> (accessed 01.07.2022).

дарственной Думе Российской Федерации для постановки в условиях новой политической реальности вопроса о частичном изменении позиции нашего государства относительно правового статуса Охотского моря и о разработке новой стратегии отстаивания исторических прав России на его акваторию, как посредством принятия односторонних нормативно-правовых актов, так и проведения последовательной политики по распространению и отстаиванию этой точки зрения в международных отноше-

ниях в рамках переговоров с иностранными государствами и деятельности соответствующих международных органов и организаций.

Первый шаг в этом направлении уже сделан: в обновленной Морской доктрине Российской Федерации 2022 г. акватория Охотского моря, наряду с некоторыми другими морскими пространствами, впервые была отнесена к числу жизненно важных районов обеспечения национальных интересов России в Мировом океане¹³. Теперь необходимо пройти остальные.

Список литературы

1. Аверочкина Т.В. 2013. «Исторические воды» и «исторические заливы»: проблема определения понятий. – *Юридическая наука*. № 1. С. 83-87.
2. *Арктический регион: проблемы международного сотрудничества. Том 3. Применимые правовые источники*. Гл. ред. И.С.Иванов. 2013. М.: Аспект Пресс. 660 с.
3. Батырь В.А. 2021. *Международное территориальное право*. М.: Международные отношения. 664 с.
4. Вылегжанин А.Н. [и др.]. 2021. *Сотрудничество и ответственность государств в Арктике: потенциал международного права и научной дипломатии. Аналитический доклад*. М.: МГИМО. 59 с.
5. Вылегжанин А.Н., Соколова Е.Л. 2014. Международный Суд ООН об историческом титуле в морском праве. – *Государство и право*. № 11. С. 80-88.
6. Гаврилов В.В. 2015. Правовой статус Северного морского пути Российской Федерации. – *Журнал российского права*. № 2. С. 147-157. DOI: <https://doi.org/10.12737/7635>
7. Губанов А.И. 2015. *Разграничение континентального шельфа в Арктике: международно-правовые проблемы и перспективы*. М.: ИКД «Зерцало-М». 312 с.
8. Джунусова Д.Н. 2015. *Международно-правовой режим Мирового океана: монография*. М.: Издательство «Спутник+». 157 с.
9. Константинов В.А. 1999. Особенности правового режима Охотского моря. – *Московский журнал международного права*. № 3. С. 127-136. DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-1999-3-127-136>
10. *Международно-правовая квалификация морских районов в качестве исторических вод (теория и практика государств)*. Под ред. А.Н. Вылегжанина. 2012. М.: МГИМО-Университет. 112 с.
11. Мелков Г.М. 2014. К вопросу о статусе Печорского и Охотского морей. – *Московский журнал международного права*. № 4. С. 40-55. DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2014-4-40-55>
12. Романов В.А. 1958. Залив Петра Великого – внутреннее воды Советского Союза. – *Советское государство и право*. № 5. С. 47-55.

13. Толстых В.Л. 2019. Территориальные споры в Восточной и Юго-Восточной Азии: особенности и перспективы международно-правового регулирования. – *Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право*. № 3. С. 53-69. DOI: <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2019-3/53-69>.
14. Gavrilov V.V. 2015. The Southern Kuril Islands: Problems and Prospects of the Legal Status. – *Pacific Rim; Economics, Politics, Law*. Vol. 17. Issue 2. P. 75-85.
15. Kopela S. 2017. Historic Titles and Historic Rights in the Law of the Sea in the Light of the South China Sea Arbitration. – *Ocean Development & International Law*. Vol. 48. Issue 2. P. 181-207. DOI: <https://doi.org/10.1080/00908320.2017.1298948>.
16. Symmons C.R. 2019. *Historic Waters and Historic Rights in the Law of the Sea: A Modern Reappraisal*. 2nd ed. Leiden; Boston: Nijhoff. 455 p.
17. Zou K., Ye Q. 2017. Interpretation and Application of Article 298 of the Law of the Sea Convention in Recent Annex VII Arbitrations: An Appraisal. – *Ocean Development & International Law*. Vol. 48. Issue 3-4. P. 331-344. DOI: <https://doi.org/10.1080/00908320.2017.1320917>

References

1. *Arkticheskii region. Problemy mezhdunarodnogo sotrudnichestva. V trekh tomakh. Tom 3. Primenimye pravovye istochniki*. Gl. red. I.S. Ivanov [Arctic region. Problems of international cooperation. In three volumes. Volume 3. Applicable legal sources. Ed. by I.S. Ivanov]. Moscow. Aspekt Press Publ. 2013. 660 p. (In Russ.)
2. Averochkina T.V. "Istoricheskie vody" i "istoricheskie zalivy": problema opredeleniya ponyatii ["Historical Waters" and "Historical Bays": the Problem of Defining Concepts]. – *Yuridicheskaya nauka*. 2013. No. 1. P. 83-87. (In Russ.)
3. Batyr' V.A. *Mezhdunarodnoe territorial'noe parvo* [International Territorial Law]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya Publ. 2021.664 p. (In Russ.)
4. Dzhunusova D.N. *Mezhdunarodno-pravovoi rezhim Mirovogo okeana: monografiya* [International Legal Regime of the Oceans: a monograph]. Moscow: Izdatel'stvo "Sputnik+" Publ. 2015. 157 p.

¹³ Морская доктрина Российской Федерации. Утв. Указом Президента РФ от 31 июля 2022 г. № 512. П. 14.4. – *Справочно-правовая система «КонсультантПлюс»*. Доступ: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_423278/ (дата обращения: 01.07.2022).

5. Gavrilov V.V. Pravovoi status Severnogo morskogo puti Rossiiskoi Federatsii [Legal status of the Northern Sea Route of the Russian Federation]. – *Zhurnal rossiiskogo prava*. 2015. No. 2. P. 147-157. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.12737/7635>
6. Gavrilov V.V. The Southern Kuril Islands: Problems and Prospects of the Legal Status. – *Pacific Rim; Economics, Politics, Law*. 2015. Vol. 17. Issue 2. P. 75-85.
7. Gubanov A.I. *Razgranichenie kontinental'nogo shel'fa v Arktike: mezhdunarodno-pravovye problemy i perspektivy* [Delimitation of the Arctic Continental Shelf: Emerging International Law issues and Prospects. A monograph]. Moscow: IKD "Zertsalo-M". 2015. 312 p. (In Russ.)
8. Konstantinov V.A. Osobennosti pravovogo rezhima Okhotskogo moreya [Features of the Legal Regime of the Sea of Okhotsk]. – *Moscow Journal of International Law*. 1999. No. 3. P. 127-136. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-1999-3-127-136>
9. Kopela S. Historic Titles and Historic Rights in the Law of the Sea in the Light of the South China Sea Arbitration. – *Ocean Development & International Law*. 2017. Vol. 48. Issue 2. P. 181-207. DOI: <https://doi.org/10.1080/00908320.2017.1298948>.
10. Melkov G.M. K voprosu o statuse Pechorskogo i Okhotskogo morei [To the Issue of Status of Okhotsk Sea and Pechora Sea]. – *Moscow Journal of International Law*. 2014. No. 4. P. 40-55. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2014-4-40-55>
11. *Mezhdunarodno-pravovaya kvalifikatsiya morskikh raionov v kachestve istoricheskikh vod (teoriya i praktika gosudarstv)*. Pod red. A.N. Vylegzhanina [International Legal Qualification of Marine Areas as Historic Waters (Theory and Practice of States)]. Ed. by A.N. Vylegzhanin]. Moscow: MGIMO-Universitet Publ. 2012. 112 p. (In Russ.)
12. Romanov V.A. Zaliv Petra Velikogo – vnutrennie vody Sovetskogo Soyuzu [Bay of Peter the Great - Internal Waters of the Soviet Union]. – *Sovetskoe gosudarstvo i pravo*. 1958. No. 5. P. 47-55. (In Russ.)
13. Symmons C.R. *Historic Waters and Historic Rights in the Law of the Sea: A Modern Reappraisal*. 2nd ed. Leiden; Boston: Nijhoff. 2019. 455 p.
14. Tolstykh V.L. Territorial'nye spory v Vostochnoi i Yugo-Vostochnoi Azii: osobennosti i perspektivy mezhdunarodno-pravovogo regulirovaniya [Territorial disputes in East and Southeast Asia: features and prospects of international legal settlement]. – *Aziatsko-Tikhookeanskii region: ekonomika, politika, pravo*. 2019. No. 3. P. 53-69. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2019-3/53-69>
15. Vylegzhanin A.N. [et al]. Sotrudnichestvo i sostyazatel'nost' gosudarstv v Arktike: potentsial mezhdunarodnogo prava i nauchnoi diplomatii. Analiticheskii doklad [Cooperation and competitiveness of state scientific diplomacy. Analytical report.]. Moscow: MGIMO Publ. 2021. 59 p. (In Russ.)
16. Vylegzhanin A.N., Sokolova E.L. Mezhdunarodnyi Sud OON ob istoricheskom titule v morskome prave [The International Court of Justice about the Historical Title in the Law of the Sea]. – *Gosudarstvo i pravo*. 2014. No. 11. P. 80-88. (In Russ.)
17. Zou K., Ye Q. Interpretation and Application of Article 298 of the Law of the Sea Convention in Recent Annex VII Arbitrations: An Appraisal. – *Ocean Development & International Law*. 2017. Vol. 48. Issue 3-4. P. 331-344. DOI: <https://doi.org/10.1080/00908320.2017.1320917>

Информация об авторах

Вячеслав Вячеславович Гаврилов,

доктор юридических наук, доцент, директор Юридической школы, заведующий кафедрой международного публичного и частного права, Дальневосточный федеральный университет

690922, Российская Федерация, Приморский край, Владивосток, о. Русский, п. Аякс, д. 10

gavrilov.vv@dvfu.ru
ORCID: 0000-0001-7298-2961

Рустамбек Махмудович Нурибетов

старший преподаватель кафедры международного публичного и частного права, Дальневосточный федеральный университет

690922, Российская Федерация, Приморский край, Владивосток, о. Русский, п. Аякс, д. 10

nurimbetov.rm@dvfu.ru
ORCID: 0000-0002-6739-2112

About the Authors

Viatcheslav V. Gavrilov,

Doctor of Judicial Sciences, Associate Professor, Director of the School of Law, Head of Public and Private International Law Department, Far Eastern Federal University

10, poselok Ajax, Ostrov Russkii, Vladivostok, Russian Federation, 690922

gavrilov.vv@dvfu.ru
ORCID: 0000-0001-7298-2961

Rustambek M. Nurimbetov,

Senior Lecturer at the Public and Private International Law Department, Far Eastern Federal University

10, poselok Ajax, Ostrov Russkii, Vladivostok, Russian Federation, 690922

nurimbetov.rm@dvfu.ru
ORCID: 0000-0002-6739-2112